

№ 8 АВГУСТ
1952

Барвинок

Журнал ЦК ЛКСМУ
для школьников младших классов

vk.com/wean_books

Радуга

Иринка — светлая девчушка,
С щеками в солнечных веснушках,
Беловолосая такая
Бежит к Днепру в трусах,
босая.

Бежит,
бежит,
бежит по пляжу...

То на песок горячий ляжет,
То разбежится и с разгона
Как прыгнет в воду у понтон...
Внезапно по волне, по звонкой
Она ударила ручонкой.
И там, где лодки на причале,
На солнце брызги заиграли.
И встала радуга!..

Смотрите!

Она стоит уже в зените
Над пароходом, над откосом
И над темнозелёным плёсом,
И над баржами, и над пляжем,
И над универмагом даже.
И телецентр своей антенной
Её поддержит непременно,
Чтоб эту радугу ни туча,
Ни ветер не свалил летучий.
Так встала в синем небе арка,
И семь цветов пылают ярко
Над городом из края в край...
Какой захочешь — выбирай!

Авторизованный перевод с украинского
Марка МАКСИМОВА.

ЗОЛОТОЕ ЯИЧКО

Олесь ДОНЧЕНКО

Рисунки В. ГЛИВЕНКО

Ну и ловко играет Андрейка на пищике. Вы никогда не слыхали, как он играет? Пищик у него, как живой. Захочет Андрейка — и запоёт он тоненько-тоненько, словно комар. Захочет и загудит, как шмель. А бывает — закукарекает, как молодой петух — и голосисто и немножечко хрипло.

А подумать только — обыкновенный пищик из стручка жёлтой акации.

Так и пищит Андрейка с утра до вечера. А что ж, если никакой работы ему в колхозе не дают! Мал ещё. Трактором пахать не умеет, комбайном управлять тоже ещё не научился. Правда, комбайнер дядя Евсей обещал научить Андрейку. Да это ведь когда ещё будет...

Вот и остаётся мальчику только на пищике играть.

Вот как-то раз вышел Андрейка из хаты. На дворе жарко. И скучно. Так скучно, что и не сказать! Отец и мать на работе. Соседские старшие ребята пошли купаться. Дед Лука плетёт сеть. Дядя Степан на пасеке. Всем хватает работы, только Андрейке нечего делать. Сунул он в рот пищик и вышел на улицу. А напротив в кузнице стучит молот. Заглянул мальчик в кузницу. Молот бум-бум, бьёт по раскалённому кус-

ку железа, который держит длинными клещами Микола, Андрейкин старший брат.

— Дай я подержу! — кричит Андрейка. Микола оглянулся.

— Отойди! Ещё обожжёшься!

Ну, конечно, взрослым всё можно: и в кузнице ковать, и трактором пахать, и комбайном пшеницу косить. А если маленький — так ничего нельзя. А разве Андрейка не смог бы подержать клещами кусок железа на наковальне? Конечно, смог бы! И вовсе он не обжёгся бы. Да что поделаешь!

Поплёлся Андрейка дальше, пищик на всю улицу заливается.

«Куда же пойти? — думает мальчик. И вдруг решает, — пойду на птицеферму! Вот там интересно! Какие там куры! Все белые, как снег, квохчут, кудахчут, а петухи кукарекают — такие голосистые!»

Птицефермой заведует бабуса Олена Григорьевна. Слышал Андрейка, как говорили люди, что у неё на птицеферме куры золотые яйца несут.

Пришёл Андрейка на птицеферму, открыл калитку и прямо во двор. И сразу попал в куриное царство.

Ой, сколько же тут кур! Куда ни посмотришь — куры. И в той стороне куры, и в

этой куры, и даже там, где верба растёт, и там куры. Все белые с красными гребешками. У одних гребень вверх, у других свисает, как серёжка. Одна курица что-то клюёт, другая щиплет какую-то былинку, а эта всё бегаёт за подружкой, старается отнять у неё червяка.

Откуда ни возьмись, петух — тоже белый с пышным хвостом, как прыгнет на корыто, как закричит ку-ка-реку!

— Это он со мной поздоровался, — подумал Андрейка, взял в рот пищик да как запищит! Что тут случилось! Куры так и бросились в разные стороны. Ну и пугливые! Пищика никогда не слышали, что ли?

А тут кто-то кашлянул — кха-кха, и на порог хаты вышла бабуся Олена Григорьевна.

— Кто это там озорничает? — спросила она и приставила к глазам ладонь, чтобы лучше разглядеть Андрейку. А в другой руке она держала мешочек. Андрейка подошёл поближе и вежливо поздоровался.

— Здравствуйте, бабуся! Это не я озорничаю. Это пищик. Такой вредный и голосистый, как этот петух ваш!

Тут Олена Григорьевна узнала мальчика.

— Будь здоров, Андрейка! Давно я тебя не видала. Что поделяваешь? Может, тебя уже бригадиром поставили в колхозе, а я и не знаю.

— Нет, я на комбайнера скоро буду учиться, — сказал Андрейка. — А сейчас никакой работы у меня пока нет.

— Вот как! Выходит, что ты баклуши бьёшь?

— Э, нет, я на пищике играю. Вот послушайте.

Андрейка уже хотел было взять в рот пищик, но бабуся замахала руками:

— Будет, будет, не надо! Слыхала уже! Ты мне всё моё куриное царство переполошишь. Если хочешь, я тебе дам настоящую работу.

— Работу? — даже подпрыгнул Андрейка. — А какую?

— Какую? Кхакха... Помоги кур накормить. — И она протянула Андрейке мешочек с ячменём.

Андрейка набрал полную горсть зерна и стал его сыпать, покрикивая:

— Тю-ти, тю-ти, тю-ти!

Всполошились, засуетились куры и со всех ног бросились на зов Андрейки. Окружили его, хватают ячмень прямо из-под ног. А один петух подлетел, хотел клюнуть зёрнышко у мальчика из рук.

Опорожнил Андрейка мешок, а Олена Григорьевна говорит:

— Молодец, Андрейка! Я и не знала, что ты такой ретивый на работу. Где ты научился так хорошо кормить кур?

— Какая там наука? — небрежно ответил Андрейка. — Видел, как мама кормила. Только у нас петуха надо отгонять, а то он такой ненасытный, сразу всё зерно поклюёт.

— Ну, если так, — сказала Олена Григорьевна, — так я дам тебе ещё одну работу. Моя помощница сегодня заболела, так уж ты помоги мне. Вот возьми сито, да сходи в сарай пособирай яйца. Сумеешь? Только смотри ни одного не разбей!

В таком огромном сарае Андрейка никогда не бывал. Он с интересом его осматривал. Под стенами в два ряда стояли плетёные круглые корзины. На дне их постелена солома. Это были гнёзда, в которых неслись куры. Корзин было очень много.

Заглянул он в ближайшее гнездо, а там три яичка лежат! Обрадовался Андрейка, положил в сито одно яичко, другое, а третье... да из чего же оно? Круглое, белое, но ненастоящее! Совсем не настоящее яичко.

— О, да оно из мела.

А бабуся Олена Григорьевна улыбается:

— Верно, из мела. Называется оно «поклад». А знаешь, зачем его туда положили? Увидит курица яичко, подумает, что оно настоящее, и захочется ей тоже снестись в этом гнезде.

Много яиц собрал Андрейка и ни одного не разбил. А какие яички разные! И круглые, и продолговатенькие. У одних скорлупа потемней, а у других совсем белая. Правда, золотых яичек Андрейка не нашёл, ведь это только в сказке говорится, как курочка ряба снесла золотое яичко.

Счастлив и горд Андрейка. Вот и ему нашлась работа.

Когда он собрался домой, подарила ему бабуся самое крупное яичко. Бережно донёс его Андрейка до дома и хвалится папе и маме. Рассказывает, как кормил на птицеферме кур, как собирал яйца.

— А без меня бабуся ни за что не управлялась бы,— рассказывает он.— Кур много, а бабуся Олена Григорьевна одна!

Папа взял яичко, положил на ладонь и говорит:

— А ведь оно золотое. Ты не заметил, сынок?

А тут и мама:

— И правда, золотое! Так и сияет!

— Не обманывайте меня,— махнул рукой Андрейка.— Я же вижу, что оно белое.

— Э, ничего ты не видишь,— усмехнулся папа.— А подойди-ка поближе.— Он поднял яичко и держит его против солнца.

— Погляди-ка.

Глянул Андрейка и даже рот от удивления раскрыл. Просвечивают сквозь яичко золотые лучи, сияет оно розовым светом.

С восхищением смотрит на него Андрейка, а яичко всё так и светится!

— Вот видишь,— смеётся папа,— а ты не верил. Золотое яичко, потому что заработал ты его честным трудом, как настоящий трудолюбивый колхозник.

Перевод с украинского.

М. ЧАБАНИВСКИЙ

АКРОБАТЫ

По улице движется высокая фигура. Руки касаются верхушек платанов, окаймляющих шумные тротуары, а голова то и дело наклоняется, чтобы не зацепиться за провод городского телефона.

Взгляды прохожих обращены к великану.

— Как там вверху, Луцу? Холодно? — спрашивает какой-то мальчик.

— Сними пару звёздочек с неба, Луцу, скажу спасибо, — шутит девушка.

— Может быть, тебе видно, что сейчас в Бухаресте происходит?..

Маленький Луцу не отвечает. Он медленно переставляет деревянные ходули, балансирует, чтобы ненароком не упасть. Огромная афиша, прикреплённая к спине Луцу, сообщает о предстоящем представлении: «Завтра вечером известнейшие на Балканах акробаты Галетар и его сын Луцу выступают на площади Примарии. Артисты будут ходить по канату, летать в «смертельной бочке» и спустятся вниз на «реактивных цепях».

Луцу оттирает с лица пот. Он очень устал и измучен. Целый день он лазил по канату под окрики всегда недовольного Галетара. А теперь вот нужно на ходулях обойти весь город. Никто не знает о том, что Галетар не отец Луцу. «Это нужно для рекламы», — объяснил Галетар мальчику.

Под вечер Луцу возвращается к балагану, стоящему на пустыре, и заходит в будку. Здесь тепло. Обезьянка Марта радостно встречает Луцу: мальчик часто приносит Марте жареные каштаны, а иногда даже орехи. Обезьяна тоже выступает в роли акробата. Она раскачивается на стальном канате, ловко лазит по деревьям, вызывая восторг зрителей.

Услышав, что Луцу вернулся, из балагана выходит Галетар и сурово спрашивает:

— Много денег собрал?

Луцу протягивает горсточку монет.

— И это всё? — бросил на него гневный взгляд Галетар. — А может быть, ты не всё отдал?

Мальчик молча выворачивает карманы: больше ничего нет у него, — всё отдал.

Недовольно ворча, хозяин уходит в балаган. Через несколько минут он возвращается и приказывает Луцу принести пива из лавчонки. «Снова будет гонять всю ночь, вон сколько голосов доносится из балагана, — думает Луцу, надевая свой рваный пиджачок. — Верно, опять пьянка будет».

Луцу идёт по улице, разглядывая витрины. Напротив лавчонки — школа. Только что окончились уроки второй смены. На улицу высыпали весёлые мальчики и девочки.

Увидев их, Луцу забыл обо всём на свете, даже о Галетаре. Мальчик не заметил, как к нему подошёл учитель и спросил:

— А ты чего тут стоишь?

Луцу испуганно обернулся:

— Я акробат Галетара... Я ничего...

— А-а, это ты, Луцу! — улыбнулся учитель. — А я тебя и не узнал. Он посмотрел на жалкую одежду мальчика, покачал головой. — Галетар ежедневно пропивает сотни лей, а его акробат ходит в таких лохмотьях! Когда уже он распрощается со своим балаганом? Один на всю страну остался. Брось его, Луцу, и иди учиться в школу.

— Галетар сказал, что я глупый и не смогу учиться в школе...

— Узнаю Галетара, — снова улыбнулся учитель. — Это он обманывает тебя. В нашей демократической Румынии все дети должны учиться. И тебя мы примем. Приходи завтра к нам.

— Завтра не приду, — огорчённо ответил Луцу. — Вечером мы выступаем на площади Примарии.

— Тогда приходи послезавтра... Меня зовут Траян. Спросишь, и тебя приведут ко мне.

Всю ночь бегал Луцу из балагана в лавку и обратно. Он так устал, что, возвра-

щаясь, сразу засыпал, но его снова будили. В балагане раздавались пьяные голоса. Луцу снова шёл в лавку, засыпая на ходу.

А на завтра, под вечер, на площади Примарии хрипло играл орган, ярко горели фонари. Галетар, одетый в костюм клоуна, стоял на подмостках, раскланиваясь во все стороны.

Луцу уже третий раз обходил толпу, позванивая блестящими тарелками. Присутствующие бросают в них деньги. Наконец, Галетар подаёт знак, и представление начинается. Первой выходит Марта. Между деревьев мелькает её яркий наряд. С листьев падают крупные капли воды — недавно прошёл грозовой дождь. Луцу видит, как осторожно, боясь поскользнуться, ступает по канату Марта. Он встревожен. Как будет выступать он, Луцу?.. Ведь канат мокрый, скользкий...

А Галетар уже объявляет, что сейчас выступит лучший на Балканах акробат — Луцу. Ещё пронзительнее завизжал старый орган.

Когда мальчик поднялся на подмостки, хозяин наклонился к нему, сказал на ухо:

— Смотри не сорвись!

— Может быть, сегодня... — Луцу робко показал глазами на мокрый от дождя канат. — Может, сегодня дадим другую программу?..

— Молчать! — прошипел хозяин. — А кто деньги будет возвращать зрителям?

Луцу взял брус, сделал несколько шагов, остановился, мокрый канат дрожит, кажется, вот-вот выскользнет из-под ног...

Внизу мерцали огни, колыхались тени, бесконечным дождём сыпались искры реклам. И Луцу стало страшно. Впервые в жизни это случилось с ним.

Сегодня следовало отменить представление, потому что может произойти несчастный случай... Даже обезьяна едва не сорвалась.

Но Галетар сверлит акробата яростным взглядом, ест его глазами. И Луцу снова

делает шаг вперёд, балансируя брусом. Вот он уже на середине. Галетар подбадривает его возгласами. Но Луцу чувствует, что делать сегодня упражнения на канате он не сможет. Люди внизу притихли, словно ждут чего-то необычайного. И мальчик, не останавливаясь, решительно проходит на другой конец каната.

Толпа загудела.

В бешенстве Галетар шипит, как змея:

— Позор! Ты трус, ты обманщик... Собрал деньги, а выступать не хочешь? Чем я буду кормить тебя? Ты подумал об этом? А?

Луцу смотрел куда-то поверх домов, туда, где шумело безбрежное море. Как он в эту минуту ненавидел Галетара!

Он не слышал, как портовые грузчики, пришедшие на представление, громко говорили: «Гонит ребёнка на канат, а сам только руками размахивает. Разве не видно, что ребёнок болен. Кто разрешает такие представления?..»

Вдруг Луцу вздрогнул от неожиданности, услышав резкий голос:

— Луцу болен, он может упасть!

Толпа зашумела, всколыхнулась.

— Спускайся вниз, Луцу! Пусть Галетар сам попробует!

Тогда Луцу поднял руку.

— Я не болен, товарищи, но выступать невозможно... Недавно прошёл дождь, канат мокрый!

Он впервые обращался к публике, и его щёки горели от стыда и возбуждения. Но зрители его поддержали.

— Правильно, Луцу! Сегодня надо отменить представление!

— Товарищи! — раздалось откуда-то со стороны. Луцу обернулся и сразу узнал учителя Траяна. Тот стоял, прислонившись к платану. — Жадность к деньгам заставляет Галетара совершать преступления. Не позволим губить ребёнка!

Целая буря голосов покрыла последние слова Траяна. Со всех сторон засвистели, послышалась брань по адресу Галетара, который стоял бледный и растерянный. Зрители начали расходиться.

— Подождите минуту! — вдруг закричал Галетар хриплым голосом. — Представление состоится! Я буду сам выступать!

Но его никто уже не слушал. Траян взял за руку маленького Луцу.

— Будешь жить у меня, — сказал он мальчику и повёл его с собой. За ними двинулась молодёжь, портовые грузчики. И вдруг все увидели Марту, которая во весь дух мчалась по улице.

— Правильно, Марта, — сказал Траян, улыбаясь. — Правильно сделала, что удра-ла от Галетара. Разве это артист? Это балаганщик. — Он посадил обезьянку к себе на плечо. — Ты теперь будешь выступать в государственном цирке.

Они шли по шумным и широким улицам. И Луцу казалось, что мерцающие огни вечернего города поздравляют его с началом новой жизни...

Перевод с украинского
Р. СКОМОРОВСКОГО.

Рисунок Л. КАПИТАНА

ДЖАМИЛЯ

На краю хлопкового поля стояли большие весы. Тётушка Робия набрала большую охапку хлопка и положила на весы — не потянуло.

Затем навалила на весы свой хлопок и тётушка Михринасо — не потянуло.

Ссыпала свой хлопок и Насиба, старшая дочь тётушки Михринасо — опять не потянуло. Потом принесла целую охапку хлопка и Нафиса, младшая сестра Насибы, — всё равно не потянуло.

Подошла к весам Салима, положила свой хлопок. За нею ссыпала хлопок и Ха-

лима. И Зарифа ссыпала свой хлопок на весы, и Замира тоже ссыпала, но всё равно не потянуло.

В это время к ним подошла маленькая девочка, её звали Джамиля. Она шла домой из детского сада. Джамиля шла по дороге и подбирала хлопок. Когда везли хлопок с поля, то с арбы иногда падали белые хлопковые комочки. Хлопка на дороге было совсем немного, всего только горсточку набрала Джамиля. Но положила она на весы свою горсточку хлопка — и сразу потянуло!

Тётушка Робия и тётушка Михринасо, и Насиба, и Нафиса, и Салима, и Зарифа, и Замира — все были рады и хвалили Джамилю.

Перевод с узбекского
М. ВОРОНКОВОЙ.

НА ОЗЕРЕ

Вчера в пионерский лагерь приехал Володя Галайда. Весёлый и разговорчивый — он сразу же всем понравился.

Одно только удивило ребят. Почти после каждого слова Володи повторял: «Честное пионерское».

Первой это заметила киевлянка Галя. Лукаво прищутив глаза, она передразнила:

— Меня зовут Галя. Честное пионерское! Ещё и кончик языка показала.

Володя заодно взглянул на девочку.

— Ты чего?

— Не разбрасывайся честным пионерским!

— Я не разбрасываюсь! Честное пионерское!..

Все громко засмеялись, а Петя недовольно махнул рукой. Володя заметил это и обиженно пробормотал:

— Что ты руками размахиваешь?

— Потому что Галя правду говорит, не разбрасывайся честным пионерским.

Петя поднял с земли темнозелёную шишку и начал её рассматривать.

— Ты давно пионер?— вдруг спросил он Володю.

— Уже месяц!

— Ну, тогда понятно!— весело воскликнул Петя.

Рассерженный Володя стиснул кулаки. Казалось, вот-вот он толкнёт Петю.

Но Петя спокойно объяснил:

— Не сердись!.. Я только хочу сказать, что Павлик Морозов, Олег Кошевой и Зоя Космодемьянская никогда не бросали на ветер своё честное пионерское слово!..

— Знаю,— тихо проговорил Володя.

— Почему же ты тогда всё время: честное пионерское, честное пионерское? — спросила Галя.

— Привычка!— Володя исподлобья посмотрел на товарищев и отошёл.

После завтрака пионервожатая позвала всех купаться.

Ребята пошли к озеру тропинкой, которая пряталась в высоких пахучих травах.

Над озером неуловимо пробежал ветерок, и казалось, озеро дышит. Серебристые вербы купали свои ветви в тёплой воде. Весело сверкало солнце...

Пионеры гурьбой высыпали на берег.

Одни с разгона бросались в воду, другие гонялись за мотыльками и плели венки из луговых цветов. Зазвенели песни. Плескалось возле ног озеро.

Недалеко от берега из воды выглядывал островок.

— Глядите-ка, Петя на острове!— закричал кто-то из ребят.

Мальчик лежал на песке и болтал ногами. Володя с завистью воскликнул:

— И я до островка доплыву! Вот увидите, честное пионерское!

— Там глубоко!— отозвалась Галя.

— Глубоко?— заволновался мальчик.

Желание плыть сразу же пропало, хоть до островка было всего метров двадцать. Дело в том, что плавал Володя плохо.

— Но ты ведь дал честное пионерское!— напомнила Галя.

Мальчик растерянно оглянулся:

— Я ведь просто так!

— Что, что?! — возмущённо и с удивлением проговорила девочка.

Володя глубоко вздохнул и нырнул в воду. Пионервожатая поплыла вслед за ним. Плыл Володя медленно, неловко загребая под себя воду и со всей силы шлёпая ногами. Не плыл, а барахтался. И сразу же устал. Нехватало сил даже голову над водой держать. Вода попадала в рот, в глаза и будто старалась утопить мальчика. Володя решил возвратиться. «А честное пионерское?!» — вспомнил он. И вдруг мальчик почувствовал, что вода сделалась холоднее. «Глубина! — пронеслось в мыслях. — Назад!.. Нет, нет!.. Вперёд!.. Ой, нет! Назад! Назад!».

На берегу Володю встретили молчанием. Только Галя спросила:

— Ну, как плылось?..

И лукаво заглянула в растерянное лицо Володи:

— Вот, чтоб знал!

Тогда ребята зашумели:

— Эх, ты! А говорил доплывёшь! Ещё и пионерское дал!

— И доплыву! — загорелся Володя. — Доплыву! Чес...

Но сдержался. «А если не доплыву?» — мелькнула мысль.

Вечером, когда в лагере все улеглись спать, Володя шепнул Петю:

— Поможешь доплыть?..

— Помогу! — сонно ответил Петя.

Долго Володя не мог уснуть. Всё думал, думал. Наконец, сон убаюкал его. На следующий день Петя, лёжа на земле, показывал товарищу, как нужно плавать.

Во время массового купанья Володя усваивал Петину науку. Но до острова плыть он ещё не решался. И только через несколько дней, перед отъездом из пионерского лагеря, Володя вместе с Петей и пионервожатой поплыл на островок. Плыл он легко и свободно. Глубина уже не пугала его. Вот и островок. В камыше зашеле-стел ветерок, будто чуть слышно заиграла свирель.

С берега донеслось громкое «ура-а-а!».

Володя не выдержал и помахал ребятам рукой.

Перевод с украинского.

Вместе с нами в путь, ребята,
Нос не вешай, твёрже ногу!
Хорошо идти с отрядом
В дальнюю дорогу.

Будто книга, мир чудесный
Развернулся перед нами.
Всё узнать нам интересно,
Всё хотим увидеть сами.

Кто сделал стол,
Скажите мне?
Где соль таится
В глубине?
А в шахте уголь
Кто добыл?
А кто для строек
Лес рубил?

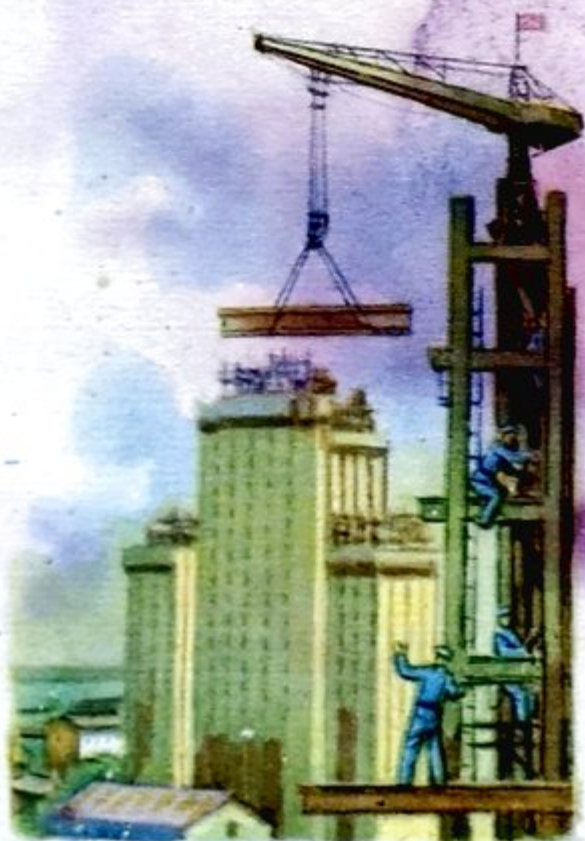
Мы повсюду ездить будем,
Повидаем белый свет.
Вот мы в Лодзи, в Новой Гуте,—
Видим новой Польши свет!

Не устанем никогда мы
Ни в работе, ни в походе...
Наше счастье рядом с нами,
Мы в труде его находим.

Лень за печкой пусть томится,
Между нами ей не место...
Летом дома не сидится,
Всё узнать нам интересно.

За сколько дней
Здесь вырос дом?
И как стеклили
Окна в нём?

на дороге

Мы трудом своим поможем
Дорогой отчизне нашей.
Ну, а после снова сможем
В путь итти с отрядом дальше...

Вдаль бегут пути-дороги...
Будто книга — мир чудесный.
Дружно мы шагаем в ногу
С бодрой и весёлой песней.

Мы повсюду ездить будем,
Повидаем белый свет.
Вот мы в Лодзи, в Новой Гуте,—
Видим новой Польши свет!

Перевод с польского.

Где стёкла взяли
Мастера?
Кто в поле водит
Трактора?
Где плавят сталь,
Находят медь?
На всё, дорога,
Нам ответь.

Мы повсюду ездить будем,
Повидаем белый свет.
Вот мы в Лодзи, в Новой Гуте,—
Видим новой Польши свет!

ДЕВЧКА ОЕСИ

Когда я был в Японии, то решил посмотреть, как делают шёлк. Всем известно, что японские шелка легки и красивы, как крылья бабочек.

И вот вместе со своими товарищами я пошёл на фабрику Конэбо. Толстый японец в золочёных очках, представитель дирекции, показал нам необыкновенно яркие шёлковые ткани.

— Как выделывают такие красивые материи? — заинтересовались мы.

— О, это наша тайна, — улыбнулся японец. И, желая быть вежливым, он добавил: — Но я могу передать вам, что рассказывают об этом люди... Говорят, художники срисовывают узоры для тканей с крыльев самых прекрасных бабочек, какие только водятся в Японии. А бабочек находят жители, маленькие дети. Даже сам император ловил бабочек, — с гордостью произнёс раскормленный, как учёный кот, японец. — Да, да, сто лет назад сам император Мейдзи каждое воскресенье отправлялся в леса и долины. Там он ловил сачком самых красивых бабочек. Потом присылал их со своим скороходом владельцу фабрики.

Мы представили себе тучного, свирепого и бородатого Мейдзи с сачком и улыбну-

лись этой глупой и хитрой сказке, прославляющей императоров.

После разговора с японцем мы пошли в фабричные цехи и здесь увидели тех, кто делает шёлк. В низких и душных помещениях у станков работали дети. Девочки были совсем маленькие. Чтобы они могли дотянуться до шёлковых нитей, под ноги им были подставлены скамейки.

По цеху разгуливали надсмотрщицы с бамбуковыми палками в руках.

У маленьких работниц, одетых в одинаковые серые халаты, были такие же серые, покрытые пылью лица. Помещение не проветривалось, потому что в духоте тонкие шёлковые нитки не так рвутся. Нам казалось, что это не дети, а гномы из страшной сказки.

— Как вы сюда попали и сколько вам лет? — спросил я одну из работниц.

Не поднимая лица от станка, девочка на миг приложила руку к сердцу в знак почтения и ответила:

— Мне двенадцать лет. Меня зовут Оеси. Мои родители привезли меня сюда из деревни Мито два года тому назад.

— Им за это что-нибудь заплатили? — спросил я.

— Родители получили за меня сто иен...
Был неурожай... Нас много таких.

— Что же они купили за эти деньги?

— Уплатили налог императору... Купили мешок риса. Этого хватило моим старшим сёстрам и братьям до нового урожая.

Передо мной была одна из тех несчастных девочек, которых продают на фабрики обедневшие крестьяне. И фабриканты охотно берут маленьких, потому что они стоят дешевле и ими легче управлять при помощи палки...

— Сколько же часов вы работаете у станков в этой духоте, Оеси?

— Сколько выдерживают наши ноги и руки...

— И что же дают вам за это?

— Нас кормят.

— Дают ли вам отдыхать? Какие у вас удовольствия?

— При фабрике есть церковь.

Увидев, что я заговорил с работницей, к нам быстро подошла лупоглазая, как жаба, надсмотрщица. Она поклонилась, и сама стала у станка, чтобы освободить Оеси для беседы. Тем самым она как бы оказывала уважение к гостю своих хозяев и в то же время могла слышать, о чём и как говорит со мной её подчинённая.

— Гуляете ли вы на свежем воздухе?— спросил я у девочки.

— Нам не разрешают выходить за ворота фабрики. Но во дворе мы гуляем. И в свободное время поём с подругами песни.

— Какие же это песни?

Глаза Оеси вдруг сверкнули, как два уголька из-под пепла.

— Разные. Их много.

Я попросил Оеси спеть что-нибудь, и она спела нам песенку работниц:

«Отец мой милый, отдавший меня
на фабрику,

Когда ты в праздник мёртвых
вспоминаешь родню,

Вспомни и обо мне. Я ещё жива.

И если чашечка чая покажется
тебе горькой,

Радуйся — это весточка от меня.

Это ветер уронил в чашку капли
моих горьких слёз!»

С тяжёлым чувством покидали мы фабрику, похожую на тюрьму.

...А шёлк здесь делают действительно красивый. Японские фабриканты продают его и получают большие доходы. Но я не могу любоваться красивым и ярким японским шёлком с тех пор, как побывал на фабрике Конэбо. Яркие цветы на шелках напоминают мне не пёстрых бабочек Японии, а маленькую японскую девочку Оеси, измученную тяжёлым трудом.

РАДОСТЬ НАШЕГО ДОМА

(Продолжение)*

СКОРО МЫ ПОЙДЁМ В ШКОЛУ

— Дети в этом году пойдут в школу, — сказал однажды папа, придя с работы.

— Что-то сами они об этом не говорят, может, им ещё не хочется учиться? — спрашивает мама.

— Мы очень хотим учиться, мама, — говорит Оксана. — Когда придёт сентябрь, мы вместе со всеми ребятами пойдём в школу!

— А ты, Ямил, что думаешь? — спрашивает папа.

Что я могу думать?

— Я хорошо думаю, папа, — говорю я громко. — Пусть скорее приходит сентябрь.

Когда мама и папа уходят на работу, мы

с Оксаной усаживаемся на крыльце. Отсюда видно большое белое здание школы. Первого сентября мы возьмём свои сумки, сойдём с этого крыльца, откроем калитку и пойдём вот той дорогой! Прямо в школу!

— Мы там будем читать, рисовать. Я нарисую цветок, ладно, Ямил?

— А я нарисую коня, ружьё...

Сейчас мне очень хочется петь. Если вы увидите белую школу, её светлые окна, гладкую дорогу, усаженную большими красивыми деревьями, и если ещё вы представите себе, что идёте по этой дороге в школу, то вам тоже наверное захочется петь. Я запеваю:

На горе стоит белая школа,
Все вместе пойдём мы туда...

* Смотри «Барвинок» №№ 4, 5, 6, 7.

Сестрёнка смотрит на меня, щурит свои голубые глаза и тоже начинает петь. Нам так весело, что ноги не стоят на месте, а притопывают под нашу песню.

Научи нас, дорогая школа,
И читать, и писать,
И картинки рисовать.

В воротах показывается Фагима. Мы замолкаем. А кто это там на заборе? Ну, конечно, Марат.

Марат свистит в свисток и машет нам рукой, чтобы мы выходили на улицу.

— Идём скорее! — кричит он нам.

— Куда?

— Эх, вы, — говорит Марат, — ничего не знаете! Вчера, пока мы с вами ходили в лес, одна тётя записывала всех, кто пойдёт в этом году учиться. Пойдёмте скорей записываться!

Вчетвером мы выходим на улицу. Нас догоняют Фарит с Заманом.

Мы пошли по той стороне улицы, где живёт Рушан.

Вот он, Рушан, сидит на воротах и поёт.

— Пойдём, Рушан, в школу, — говорит Марат.

— В сентябре пойду, — отвечает Рушан. — Вчера была тётя, сказала — все начнут учиться в сентябре.

Мы дошли до школы, у двери остановились. Никто не хочет войти первым. Фагима взялась за ручку, но Марат остановил её. Пока мы стоим, поглядывая по сторонам, из школьного сада показывается Заман. В руке у него большой красный цветок. Мы и не заметили, как Заман забрался в школьный сад.

— Там много цветов, идёмте собирать цветы! — говорит Заман. — И я там карандаш потерял.

Фарит сердится и начинает ругать Замана.

— Разве можно рвать цветы в школьном саду!

И, правда, ничего-то не понимает этот Заман.

Из сада выходит тётя.

— Кто из вас тут цветы рвал?

— Это не я, — говорит Заман и прячется за спину Фарита.

Тётя смеётся. Если смеётся, значит не сердится.

— В этом саду можно играть, но цветы рвать нельзя, — говорит она и гладит Замана по голове. — Идите, играйте.

— Мы пришли не играть, а по делу, — заявляет Марат.

— По какому же делу вы пришли?

— Мы пришли в школу учиться, — выступает вперёд Фагима, но Марат тянет её за рукав.

— Нет, пока не учиться, а записаться.

Тётя ведёт нас в школу. Мы входим в большую комнату, там стоят парты.

— Садитесь, дети, — говорит тётя и достаёт большую тетрадь.

— Ну, кого первого записывать? — спрашивает учительница.

Сначала мы все молчим, потом тётя учительница спрашивает у всех по очереди, кому сколько лет.

Когда очередь доходит до Замана, он протягивает учительнице цветок, который сорвал в саду.

— На-те, тётя. Мне четыре года.

Учительница смеётся, берёт цветок, гладит Замана по голове и говорит:

— Тебе ещё рано учиться. И тебе, Фагима, рано. А вы все приходите первого сентября. Меня зовут Рауза апай*.

Тётя Рауза проводила нас до крыльца, и мы побежали домой. Около дома остановились.

— Рауза апай хорошая? — спросила меня Оксана.

— Конечно, хорошая. Она же будет нас учить читать и писать.

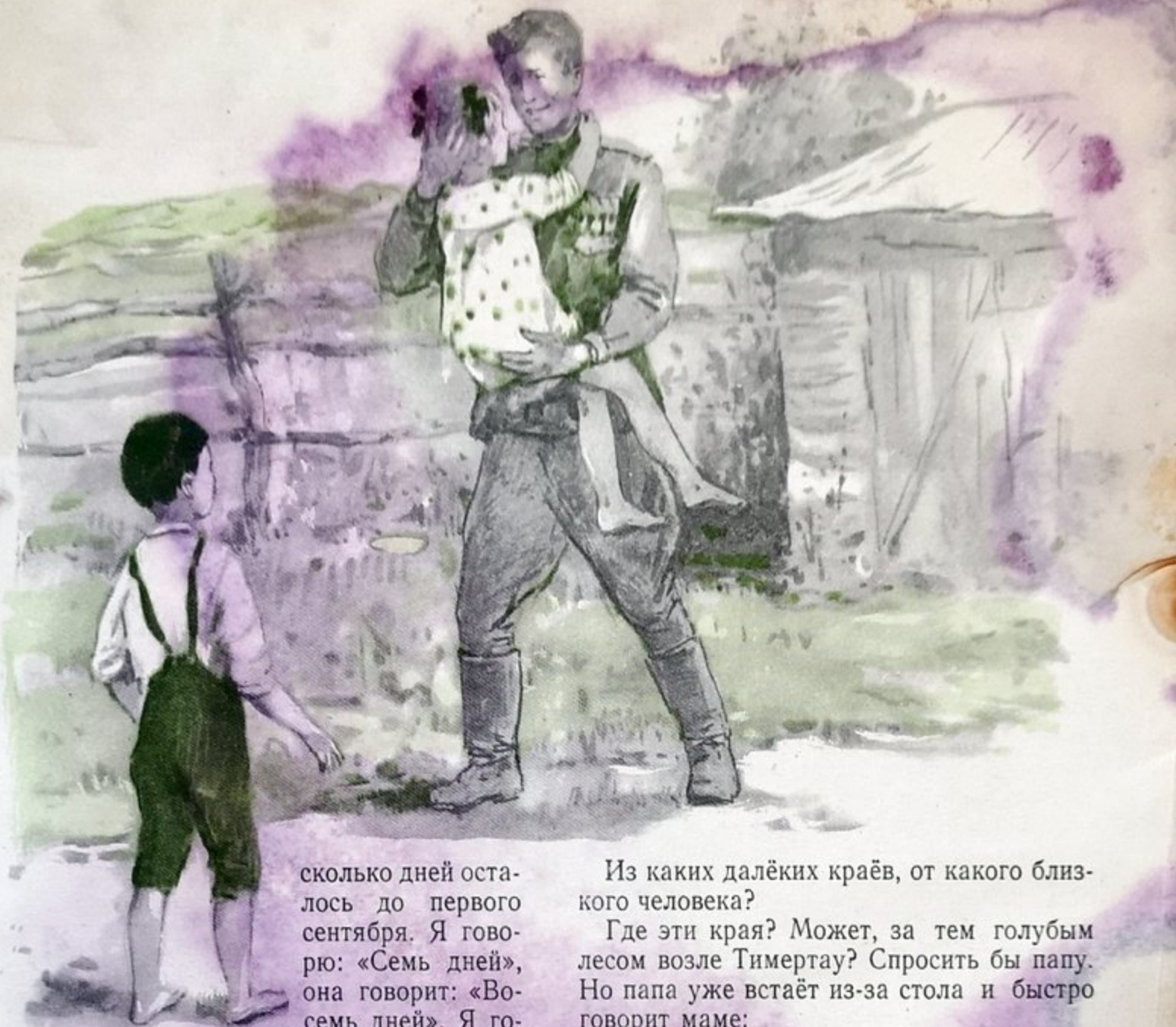
— Через четырнадцать дней сентябрь, хорошенько запомните это, — сказал нам Марат.

С этого дня нас начали готовить в школу. Папа купил нам карандаши, а мама сшила мне и Оксане новую одежду и красивые сумочки для книг. Мы теперь каждый день ходим к школе, даже в сад заходим. В саду растёт много разных деревьев и кустов. И каких только цветов нет на клумбах!

ДОБРЫЕ ВЕСТИ

Однажды вечером мы сидим вчетвером и пьём чай. Оксана спорит со мной о том,

* Апай — тётя.

сколько дней осталось до первого сентября. Я говорю: «Семь дней», она говорит: «Восемь дней». Я говорю: «Нет, семь!»

Она говорит: «Нет, восемь!» Папа с мамой молча смотрят на нас и улыбаются.

Сестра моя вдруг обнимает папу:

— Тогда пусть папа самую-самую правду скажет,— просит она.

Папа медленно гладит свой ус и говорит:

— По-моему, самая правда — это семь дней и восемь ночей...

Я считаю на пальцах дни и ночи. Но почему-то у меня не получается ни семь ни восемь. Ну, что же, пусть так. Ночей можно и не считать. Ночью ведь люди спят.

Мы перестаём спорить. Мама сидит за столом, подперев рукой щеку.

Папа смотрит на маму, потом на нас и тихо говорит:

— Сегодня, дети, из далёких краёв к нам пришли хорошие вести, мы получили письмо от очень близкого человека.

Из каких далёких краёв, от какого близкого человека?

Где эти края? Может, за тем голубым лесом возле Тимертау? Спросить бы папу. Но папа уже встаёт из-за стола и быстро говорит маме:

— Не забудь, Кюнбике, завтра принести мёду с пасеки. Посылай приглашение матери в Тимертау. Так лучше будет...

Мама молча кивает головой.

Конечно, так лучше будет. Когда бабушка у нас, всегда лучше. Мы бабушку любим. И сладкий мёд тоже нам нравится.

— А вам, дети, как говорится, пора на сонный базар ехать. Раздевайтесь и ложитесь спать,— вставая из-за стола, говорит мама. Голос её звучит сегодня как-то невесело.

Мы ложимся спать, не разузнав толком, о чём говорил папа.

А утром-то, утром!.. Что только делается в нашем доме! Вот что мы видим сразу, когда просыпаемся. Мама белым-бело побелила печь, повесила на стены наши красивые узорчатые полотенца, на окна — белые кружевные занавески. Мамина кро-

вать покрыта большим клетчатым ковром. А посмотрите-ка на самовар, как он стоит на столе и весь сияет!

Папа чисто-пречисто вымел двор. Сколько ни ищи, даже самой маленькой соринки в траве не найдёшь!

Вот, оказывается, как бывает, когда из далёких краёв приходят хорошие вести!

К вечеру пришла и бабушка. Мы с Оксаной увидели её издали и выбежали навстречу.

— Бабушка! — сказали мы, крепко обнимая её, — к нам пришли добрые вести из далёких краёв. Поэтому мы тебя пригласили.

— Добрые вести — дело хорошее, — отвечала бабушка, улыбаясь и поглаживая нас по плечам.

Папа до позднего вечера был в колхозе, около своих лошадей. С выгона уже вернулось стадо, а его всё ещё нет. Бабушка с Оксаной ушли к дедушке Мансуру. Я тихонько подошёл к маме, когда она доила корову.

— Мамочка, — спросил я шопотом, — а, мамочка, кто же этот близкий человек, который живёт в далёких краях?

Мама вдруг обернулась и тихо проговорила:

— Скоро, сынок, ты всё узнаешь сам. Пусть только это будет в добрый час!

День прошёл, два дня прошло. Мы ещё ничего не узнали. А на третий день в наш дом, как говорит бабушка, вошли и радость и печаль...

ПРИЕХАЛ ГОСТЬ

Мы долго были на речке и вернулись домой поздно. На брёвнах возле сада сидели папа и какой-то незнакомый военный. Увидев нас, этот военный вскочил и крикнул:

— Оксана!

Он ещё что-то сказал, но я не понял, потому что он говорил не по-башкирски.

Мы с сестрой остановились. Откуда знает Оксану этот незнакомый человек? Папа ему сказал, что ли? Сам не знаю отчего, я испугался. Оксана тоже испугалась, у неё задрожали губы.

— Идите сюда, дети, — позвал нас папа. — Это дорогой гость. Он только что приехал.

Но мы не двинулись с места. Дорогой гость сам побежал к нам навстречу и взял на руки Оксану. Он долго смотрел на неё, потом прижал к себе. Оксана не заплакала, её часто берут на руки, ведь все любят мою сестру. А этот человек всё смотрит на неё, гладит по голове и шепчет:

— Оксана, Оксана, дочка моя...

Почему он так говорит: «дочка моя»? Я вижу — папа опустил голову и тыльной стороной ладони вытирает себе глаза. Что это с ним, не попала ли ему в глаз соринка? Бабушка глядит в открытое окно, прикрыв рот уголком платка. Мама стоит на крыльце — я никак не пойму — не то она смеётся, не то плачет. Да, она и смеётся и плачет. Узнать бы мне, что за слёзы у неё на глазах — сладкие или горькие?

А дорогой гость всё держит Оксану на руках, целует её лоб, волосы, руки. Я уже начинаю сердиться на этого гостя, чем-то он мне не нравится. Нельзя же так долго держать на руках чужую сестрёнку. Если хотите знать, этот гость не особенно ещё дорогой мне.

Наконец, он опускает Оксану на землю и хочет взять на руки меня, но я подбегаю к папе и прячусь за него. Если этот гость подойдёт ещё раз ко мне, я сейчас же возьму мою сестру и убегу вместе с ней и бабушкой в Тимертау.

— Не будь таким диким, сынок, — говорит папа, — наш гость дядя Петро любит тебя.

А Оксана уже сидит на коленях у этого дяди Петра, гладит его по щеке и что-то говорит ему.

Я смотрю на папу, на маму, на бабушку: все они какие-то расстроенные сегодня. Как же это понять мне — радуются они или печалются? И Оксана совсем, совсем другая стала. Обо мне она как будто и забыла...

А, нет, не забыла. Вот сестра моя подбегает ко мне. Её голубые глаза стали ещё светлее. Значит, она радуется. Она бьёт в ладоши и весело говорит:

— Знаешь, кто к нам приехал?

— А кто?

— Сказать?

— Скажи.

— К нам приехал... Ты и не догадаешься. ...А вы догадались бы? Никогда!

(Продолжение следует)

Лето, до свидания!

Лето, до свидания!
Хорошо нам было —
Вдоволь отдохнули мы,
Славно загорели, —
Золотое солнышко

Нам во-всю светило,
Сколько сил набрались мы,
Как поздоровели!

Лето, до свидания!
Шли мы полем, кручами
Стёжками-дорожками
Под весёлым ветром.

Все мы по учителю
За лето соскучились,
Поскорей бы встретиться
В классе нашем светлом.

Лето, до свидания!
Все везём подарки мы,
В школу возвращаемся
С травами, цветами,
С новыми рисунками,
С бабочками яркими,
С песнею, что в лагере
Сочинили сами.

Лето, до свидания!
Мы идём на станцию.
Сколько раз бродили мы
По лесам и долам,
Всё, что увидали мы,
В памяти останется.

Лето, до свидания!
Здравствуй,
наша школа!

Валентин БЫЧКО.
Перевод с украинского.

Л. ХУДЯК

НАСТУПАЕТ ОСЕНЬ

Конец приходит летним дням:
Прохладою дыша,
В венке багряном осень к нам
Шагает, не спеша.

В цвет пламени и янтаря
Окрасив рощ наряд,
Она заглянет в лагерь,
Чтоб в город звать ребят.

И нам припомнится тотчас
Любимый школьный сад,

Тетради, книги, светлый класс,
Где парты в ряд стоят.

Мы на лугу зажжём костёр,
Чуть солнышко зайдет;
Прощаясь с летом, дружный хор
Все песни пропоёт.

Мы золотым осенним днём,
В весёлый утра час,
Окрепнув за лето, войдём
Гурьбой в знакомый класс.

Наталия ЗАБИЛА.
Перевод с украинского.

Д Е Н Ь В Л А Г Е Р Е

В Померках, вблизи Харькова, в живописном лесу расположен пионерский лагерь.

...Солнечное весёлое утро. Лёгкий ветерок... Но вот тишину леса нарушают звуки горна. Это горнист Станислав Колесник сообщает о начале пионерского дня.

После завтрака — на площадку для игр. И сразу же в лагере раздаётся звонкий смех, весёлые возгласы, песни.

Ребята бегут умываться. Сёстры Оля и Галя Владимировы первыми прибежали сегодня к умывальнику. Как приятно после крепкого сна освежиться прохладной водой! Потом пионеры спешат в столовую.

Только в одном углу площадки тихо. Четверо мальчиков—Юра Сериков, Женья Кравцов, Коля Бабаев и Толя Синьков—задумались над шахматной доской. Кто победит?

Хорошо в пионерском лагере!

Окрепшими, загорелыми возвратятся ребята осенью в школу.

Цветное фото Я. ТАБОРОВСКОГО

В. ТКАЧЕНКО

Рисунок С. КРАВЧЕНКО

Встретись

Донец. Простор степных краёв...
Повсюду шахты тут.
Вкруг новых солнечных домов
Сады во-всю цветут.
Стальные мачты. Ток бежит
По проводам туда,
Где на копре звезда горит,
Где домен гул всегда.
Мы к деду в гости, на Донбасс,
Приехали с отцом.
Дед на перроне встретил нас
С сияющим лицом.
Мундир шахтёрский, ордена...

Я деда не узнал.
А он вдруг обнял сам меня
И мне конфету дал.
Сказал: «Я встретить вас спешил,
Садись скорей, Ивась!..»
«Москвич» к посёлку покатил,
И следом пыль взвилась.
По новым улицам, вперёд,
Летим во весь опор.
Умело дед авто ведёт,
Хоть не шофёр,— шахтёр.

Перевод с украинского.
Татьяны ВОЛГИНОЙ.

Я ВЕДЬ НЕ ЛЕНИВАЯ

Столько ярких бабочек
Нынче на лугу,
Что собрать коллекцию
За день я могу.

А ещё красивее
Я видала в поле.
Подарю-ка бабочек
Я любимой школе.

Только жаль, что бабочки
Нас не поджидают.
Замахнёшься сеткой,
Сразу улетают.

Скучно бегать с сеткой
По жаре такой.
Лучше я подарок
Сделаю другой.

На лугу пестреют
Белые ромашки,
Алая гвоздика,
Медуница, кашка.

Васильки и смолка
Расцветают в поле.

Вот собрать гербарий
Я могла бы школе!

Но в жару гербарием
Трудно заниматься,
Лучше я на речку
Побегу купаться.

А потом под вербой
Лягу на лугу.
Силы для похода
Лучше сберегу.

Завтра отправляемся
В лес мы всем отрядом.
Вот когда подумать
О подарке надо.

Может, зайка серый
Ждёт меня в лесу?
Может, в самой чаще
Встречу я лису.

И подарок школе
Принесу на диво я.
Это мне не трудно,
Я ведь не ленивая.

На обложке рисунок художника Г. Мелихова.

Редколлегия: Н. Л. Забила, О. Д. Иваненко, Г. А. Литвинова, Ф. А. Мисюра, М. А. Пригара, А. И. Сушан, Б. И. Чалый (ответственный редактор), Т. Н. Яблонская.
Художественный редактор С. А. Ипатьева. Адрес редакции: Киев, ул. Коцюбинского, 12, 3-й этаж, тел. 4-50-32.
Подписано к печати 6/VIII 1952 г. БФ 03599. Зак. 2403. 3 печ. листа 62 × 94. Доля листа $\frac{1}{8}$, тираж 12.000.

Год издания восьмой.

Цена 2 рубля.

Издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь».

Типография издательства ЦК КП(б)У «Радянська Україна». Киев, Прозоровская, 59.